

Хань Цзин застыл, не зная, что ответить на этот вопрос. Он никогда прежде не задумывался об этом...

«Если бы в той иллюзии не было Мориса — теплого и яркого, точно солнце... полюбил бы я этого, настоящего? Холодного, как ледяная глыба?»

Морис ожидал такого замешательства, но сердце его все равно болезненно сжалось. Он отвел взгляд, пряча затрепетавшее в глазах смутение.

Прошло немало времени, прежде чем Хань Цзин заговорил вновь, тщательно взвешивая каждое слово:

— Я не знаю... Но разве иллюзия Атлантиды не стала частью нашей жизни? Она казалась такой настоящей, словно мост между прошлым воплощением и нынешним. Нет, даже прочнее. Моя личность в иллюзии и я реальный слились воедино, без малейшего разлада. Порой мне кажется, что та иллюзия была длинным путем в целую жизнь, а наша реальность — лишь очередной зыбкий сон.

— На самом деле иллюзия и наш трехмерный мир ни в чем не противоречат друг другу. Это просто разные пространства, разные измерения. Но наши мысли, наши чувства неизменны. Помнишь древнюю притчу о Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка?..

— Мне кажется, суть человеческого существования заключается в разуме, в том, что мы зовем душой. Разве величие Атлантиды на пике ее развития не заключалось в стремлении к абсолютному совершенству жизни и возвышению духа? Так стоит ли терзаться сомнениями, родились ли наши чувства под влиянием иллюзии? Важно лишь то, что мы чувствуем сейчас.

— Если это лишь сон бабочки, зачем рубить связывающие нас нити и пытаться провести четкую грань? Кто докажет, что наша реальность — не иллюзия в каком-то ином измерении?

С каждым словом Хань Цзин говорил все тверже. Гнев, kloкотавший в груди, утих, уступив место холодному рассудку.

Морис слушал молча, погруженный в свои думы, но под конец сухо прервал его:

— Но все, что было в иллюзии, создано Атлантидой. Это не настоящее пространство и даже не то двенадцатимерное измерение из твоего отчета. Как ты можешь быть уверен, что твои чувства в иллюзии зародились в сердце, а не были насильно навязаны чужой волей?

При воспоминании о мучительном плотском искушении, которому его подвергла Атлантида, лицо Мориса изменилось. Он потерял былую невозмутимость.

— На это у меня нет ответа... — тихо произнес Хань Цзин. — Но неужели из-за этого ты не дашь нам даже единого шанса? Я знаю, что иллюзия Атлантиды подчинила себе слишком многое, заставив тебя пережить то, что ты не можешь принять. Знаю, что для тебя это...

«...унизительно», — последние слова Хань Цзин так и не произнес. И не из страха задеть собственные чувства. Просто этот разговор впервые позволил ему взглянуть на ситуацию глазами Мориса, отбросив эгоистичную обиду.

Хань Цзин посмотрел на него. Его темные глаза потеплели, в них отразилась тихая, едва заметная жалость.

«Каково это — быть игрушкой собственной плоти для человека столь гордого и непреклонного?..»

Этот мимолетный взгляд, полный сочувствия, не укрылся от Мориса.

Морис по-прежнему держался холодно, но в его глазах промелькнула растерянность. Он отвел взгляд, не в силах вынести эту мягкость. В его душе бушевал ураган противоречивых чувств. Кажется, теперь он начинал понимать, почему Хань Цзин так упорно искал встречи...

— Если эти чувства настоящие... ты дашь мне шанс? — Хань Цзин мягко накрыл ладонь Мориса своей.

Тот попытался вырвать руку, но Хань Цзин сжал пальцы крепче, не позволяя отстраниться.

Почувствовав сильное сжатие, Морис сердито вскинул голову, собираясь осадить наглеца, но наткнулся на взгляд черных глаз — решительный и непреклонный. В то же мгновение его рука заметно дрогнула.

— Не будь той иллюзии, я не знаю, полюбил бы я тебя в реальной жизни. Но теперь, даже зная всю правду, я уже не властен над собственным сердцем... — тихо продолжал Хань Цзин, чувствуя, как сопротивление в руке генерала медленно угасает.

Он хотел высказать все, что так долго копилось в душе, но их уединение нарушил резкий, настойчивый стук в дверь.

— Господин генерал? — Кэти робко постучала в дверь, виновато кланяясь стоящему за ее спиной генералу Гранту.

Генералу Гранту перевалило за пятьдесят. Высокий, худощавый, он обладал редким сочетанием золотистых волос и пронзительно-зеленых глаз. В его чертах все еще угадывалось прежнее благородство и былая красота, однако лицо застыло суровой маской. Холодный, глубокий взгляд выдавал в нем человека, привыкшего повелевать.

Опустив руку, Кэти поспешила деликатно оправдать своего начальника:

— Генерал Морис в последние дни чрезвычайно занят. Вероятно, он просто не заметил оповещения на терминале.

Грант бросил ледяной взгляд на матовое свечение кристалла Туаой, скрытого за плотно опущенными жалюзи. Лицо старшего Нормана оставалось бесстрастным.

— Кто у него? — сухо спросил он.

— Хань Цзин из математического отдела.

— Хань Цзин? Тот новичок из Исследовательского института С. Ф.?

— Да, сэр... — Кэти внутренне содрогнулась. Откуда верховный главнокомандующий Грант Норман знает о простом сотруднике Исследовательского института С. Ф.?

Глаза Гранта потемнели. Дверь кабинета наконец отворилась, и на пороге появился Морис. Золотистые волосы волной рассыпались по его плечам, лицо дышало холодом. Грант прищурился, вглядываясь в сына.

— Генерал, — Морис вытянулся в струнку и отдал отцу безупречный воинский салют.

Вышедший следом Хань Цзин замер от изумления. Перед ним стоял суровый мужчина с волевым лицом. На его плечах красовались знаки различия пятизвездного генерала — маршала, одного из шести высших чинов во всем Федеральном правительстве!

Хань Цзин мгновенно подобрался и тоже отдал честь:

— Рад приветствовать вас, господин генерал!

Грант смерил холодным взглядом черноволосого азиата. Его зеленые глаза, столь же ледяные, как и у сына, излучали давящую, почти физически ощутимую мощь лидера.

Морис инстинктивно шагнул вперед, заслоня собой Хань Цзина, и заговорил первым:

— Кэти, уведи его. У нас с генералом Грантом важный разговор.

— Слушаюсь, сэр, — Кэти бросила быстрый взгляд на мужчин, чьи ауры уже всюду сталкивались, высекая невидимые искры, и сделала знак Хань Цзину следовать за ней.

Хань Цзин пошел за секретарем, чувствуя спиной ледяной взор старшего Нормана. Генерал смотрел на него с явной враждебностью.

«Почему? Чем я заслужил такую неприязнь?..»

Хань Цзин замедлил шаг и обернулся к закрывающейся двери кабинета.

— Что, не по себе стало? — добродушно спросила Кэти. — Испугался его, Хань Цзин?

Он вздрогнул, выныривая из мыслей, и натянул вежливую улыбку:

— Нет, все в порядке. Но... почему вы спрашиваете?

— Да потому что когда эти двое оказываются в одной комнате, воздух вокруг буквально замерзает, — заговорщически прошептала Кэти. — Не заметил, как сильно они похожи?

Хань Цзин опешил. Ранее, подавленный авторитетом маршала, он не успел взглядеться. Но теперь, сопоставив факты, понял: они действительно были невероятно схожи. Те же золотые волосы, те же правильные черты лица и тот же колючий, неприступный холод в манерах.

Заметив понимание в его взгляде, Кэти закивала, подтверждая догадку:

— Полное имя маршала — Грант Норман. Он отец генерала Мориса. Вот только ладят они, мягко говоря, скверно. Об этом знает вся база...

Тем временем в кабинете повисло тяжелое молчание. Грант окинул взглядом плотно задернутые жалюзи, создававшие атмосферу полной изоляции от внешнего мира, и требовательно уставился на сына:

— Ты слишком рьяно защищаешь его, Морис.

Морис упрямо вздернул подбородок и без тени страха встретил взгляд отца.

— Мы в моем рабочем кабинете, отец. Если это личные вопросы, обсудим их дома.

— Дома?! — от ледяного тона сына Грант сорвался на крик. — И сколько раз в году ты соизволишь бывать в поместье Норманов? Только в день смерти матери?!

Морис внешне оставался спокоен, но его слова больно жалили:

— А сам ты часто там бываешь, отец? Сколько раз ты навестил маму, когда она тяжело болела все те годы?

В памяти Мориса всплыли картины далекого детства, и его взгляд подернулся ледяной коркой.

Лицо Гранта окаменело. Он замолчал на мгновение, пытаясь сдержать гнев, но в его голосе все еще звучала непреклонная властность:

— Я был занят службой, Морис...

— Я тоже занят службой, отец.

Служба, служба... Снова эти вечные отговорки. Морис резко оборвал его, не желая слушать пустые оправдания. Но внезапно к горлу подступил удушливый приступ тошноты. Он непроизвольно прижал ладонь к груди, маскируя жест под естественную позу.

«Что со мной такое?..»

В желудке болезненно спазмами сжало, и Морису пришлось сделать над собой усилие, чтобы сглотнуть внезапно подступившую кислую слюну.

Грант Норман привык к беспрекословному повиновению. Никто в армии не смел перечить ему, не говоря уже о том, чтобы бесцеремонно перебивать. Единственным исключением был Морис — упрямый, строптивый сын. Маршал закипал. Окинув взглядом наглухо закрытые окна, он вспомнил о главной цели своего визита, и ярость вспыхнула с новой силой.

Грант даже не помыслил присесть. Он навис над столом, буравя сына тяжелым взглядом:

— Работа?! Этот Хань Цзин из Исследовательского института С. Ф. — тыловой сотрудник, он не подчиняется тебе, Морис! Зачем ты с ним встречаешься? О каких секретах он может тебе докладывать? Да еще и за закрытыми дверями, в такой секретности, что ты даже игнорируешь вызовы начальства?!

— Я выслушивал отчет. И напому тебе: я давно вышел из детского возраста. Звание четырехзвездного генерала я заслужил собственными силами, без твоей протекции! Пожалуйста, прекрати лезть в мою личную жизнь и пытаться ее контролировать!

Поняв двусмысленный намек отца, Морис окончательно потерял терпение. Два внешне бесстрастных человека при каждой личной встрече неизменно срывались на яростную словесную дуэль.

Грант презрительно усмехнулся:

— И ты продолжаешь его выгораживать?! Думаешь, я слепой? Ты впервые в жизни воспользовался служебным положением ради какого-то мальчишки! С его послужным списком ему никогда бы не получить допуск на Базу № 9!

— Ты рылся в моих секретных архивах?

— Я твой непосредственный командир и твой отец! Я имею полное право знать, чем живет мой подчиненный и мой сын!

— Но у тебя нет права вторгаться в мое личное пространство!

— Я забочусь о тебе, Морис!

— Ложь! Единственное, о чем ты заботаешься — это величие фамилии Норман! — Морис гневно сощурился, вновь пресекая попытки отца оправдаться.

Грант в упор посмотрел на него, багровея от злости:

— Я пекусь о будущем нашей династии! Если ты так отчаянно жаждешь выйти из тени своей семьи — докажи это делом! Немедленно женись и обеспечь род наследником!

Морис на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки.

— Я не намерен устраивать сцен в штабе. И я уже говорил: брак по расчету, лишенный чувств, для меня неприемлем.

— Чувств?! Ты делишь с этим Хань Цзином жилье в секторе Роедлас! Другие могут не знать, но я воспитывал тебя и прекрасно знаком с твоими привычками! Только не говори мне, что будущий глава рода Норман увлекся женщиной!

С каждым словом Грант распалялся все сильнее, его взгляд обезумел от гнева.

Под этим яростным натиском Морис словно вновь превратился в беззащитного подростка, которого бесконечно отчитывали за малейший проступок. Внутри него вспыхнуло глухое бунтарство, и он выплюнул отцу прямо в лицо:

— Даже если и так, какое тебе дело?! Это моя личная жизнь, отец!

Едва сорвавшись, он тут же пожалел о сказанном. Сердце испуганно забилось в груди. Морис

замер, пораженный собственной несдержанностью. Сколько лет он успешно держал эмоции под строжайшим контролем, никогда не позволяя себе подобных импульсивных признаний?..

Смятение, промелькнувшее на лице сына, не укрылось от маршала.

Грант нахмурился, его голос упал до зловещего шепота:

— Ты что... действительно с ним путаешься?

У Мориса перехватило дыхание. Он хотел тут же все опровергнуть, но в голове на мгновение помутилось, а перед глазами вспыхнули недавние воспоминания. Хуже всего было то, что вместе с гневом накатил новая, еще более мощная волна тошноты. Горло стиснул болезненный спазм. Морис судорожно прижал руку к груди, его плечи мелко, едва заметно задрожали от напряжения.

Видя, как сын молча и упрямо противостоит ему, Грант побелел от злости, на его шее вздулись синие вены:

— Так вот почему ты до сих пор один! Тебе уже за тридцать, а ты и слышать не хочешь о семье и детях, потому что тебя привлекают мужики! То-то за все эти годы ты ни разу не привел в дом женщину, и о тебе не ходило ни единого слуха... Господи, за какие грехи мне достался такой выродок?!

— Все это время я отдавал себя долгу! Иначе как бы я дослужился до звания четырехзвездного генерала?! — преодолевая тошноту, процедил сквозь зубы Морис.

— Довольно! — Грант глубоко вдохнул, властно обрывая оправдания. — Я не желаю слушать твои басни, Морис! Я пришел сюда, будучи готовым к худшему, и я согласен пойти на компромисс. Если тебе так приспичило ложиться в постель с мужчинами — найди себе светловолосого и зеленоглазого партнера. Пусть он ляжет под нож хирургов-генетиков и вынесет для рода Норманов чистокровного наследника! Но он обязан быть нашей крови, нашей породы! Я не позволю безродным полукровкам осквернить чистоту нашего генеалогического древа!

— Тебя действительно волнует только чистота крови, отец? — Морис продолжал держать руку у груди, борясь с дурнотой. — Когда ты женился на маме, неужели она была для тебя лишь подходящей породистой самкой, а не любимой женщиной? Именно поэтому ты заглянул к ней всего пару раз за те два года, что она медленно угасала от неизлечимой болезни?!

Грант вздрогнул. Эти обвинения попали в самую уязвимую мишень его души. Оглушенный собственной виной, он даже не заметил, как плохо себя чувствует сын.

— Мне плевать на родословную, — с непоколебимой твердостью отрезал Морис. — Если я

действительно люблю человека, я никогда не заставлю его повторить судьбу моей матери. Я создам для нас настоящий, теплый дом. Я поклялся в этом на ее могиле.

— Теплый дом? А ты вообще знаешь, что такое любовь, мой холодный, бесчувственный сын? — Грант горько, сухо рассмеялся. — Мы ведь с тобой сотканы из одного теста. Ты такой же ледышка, как и я. В тебе самом нет ни капли тепла — как же ты умудришься согреть кого-то другого?

— Привязанность можно взрастить со временем, но чистота крови семьи Норман неприкосновенна! — Грант быстро спрятал промелькнувшее в глазах замешательство и заговорил еще жестче: — Это мой последний компромисс, и я советую тебе хорошенько подумать, Морис! Я сквозь пальцы смотрел на твои длинные волосы, но терпеть этого безродного выскочку я не стану!

— Найди себе кого-то другой крови — мужчину или женщину, мне все равно, лишь бы подходили по фенотипу! И пусть этот азиат немедленно съедет из твоей квартиры в секторе Роедлас. Не вынуждай меня вмешиваться лично!

— Что, язык проглотил?! Запомни мои слова: даже если этот черноволосый азиат забеременеет от тебя, я ни за что не позволю этому отродью появиться на свет!

Не дождавшись ответа от застывшего ледяной статуей сына, Грант в ярости развернулся и, хлопнув дверь, стремительно покинул кабинет.

Увидев разгневанного маршала, Кэти испуганно вскочила со своего места:

— Господин генерал?

Грант с трудом подавил бушующую внутри бурю, и его лицо мгновенно приняло привычное властное и непроницаемое выражение.

«Только этому паршивцу удастся каждый раз выводить меня из себя!» — с досадой подумал Грант.

Он холодно взглянул на испуганную Кэти и жестко приказал:

— Соедини меня с генералом Шерманом.

— Будет исполнено, сэр, — Кэти не посмела задавать лишних вопросов, лишь украдкой покосилась на закрытую дверь кабинета Мориса.

— Кх... — Морис оперся обеими руками о край стола и судорожно зажал рот ладонью.

Его вновь скрутило спазмом. На лбу выступили крупные капли холодного пота. Он хотел добежать до уборной, но времени не оставалось — приступ рвотных позывов накрыл его с такой силой, что он мог лишь беспомощно сгибаться пополам от сухих, мучительных спазмов.

К счастью, желудок был пуст.

Когда приступ наконец отступил, Морис без сил опустился в кресло. В последние дни на него навалилась какая-то неестественная, свинцовая усталость...

Он потянулся к терминалу связи, намереваясь вызвать главного врача базы доктора Мишеля, но вовремя осекся. Мысль о том, что медики обнаружат изменения в его организме, заставила его в нерешительности замереть. Морис погасил экран и вместо этого выдвинул ящик рабочего стола.

Внутри лежало несколько упаковок сильных нейролептиков. Морис достал одну из них — «Sodium» — и пробежался глазами по инструкции. Длинный список противопоказаний пугал, а он в последнее время глушил эти таблетки горстями, многократно превышая допустимую дозировку.

«Неужели это побочные эффекты "Содиума"?..»

Морис отложил упаковку обратно в ящик. Перебирая пальцами медикаменты, он наткнулся на небольшую коробочку с желудочными средствами. Он замер. Осторожно достав ее, Морис ощутил, как к кончикам пальцев прилила едва уловимая, призрачная волна тепла.

Это было забытое чувство защищенности и уюта.

Он невольно нахмурился, и в его памяти воскрес тот тихий, теплый вечер. Искренняя улыбка Хань Цзина, легкий аромат горячей рисовой каши и та бережная, почти благоговейная забота, которой его окружили...

Морис не был глупцом или слепцом. Он помнил каждую деталь, каждый жест и взгляд Хань Цзина. Просто из последних сил старался заставить себя этого не замечать...

Но теперь отрицать очевидное стало бессмысленно. Тот, другой, определенно начал догадываться о его тайне.

«Если эти чувства и вправду искренние... дрогнет ли мое сердце? Но как пережить этот позор?..»

Морис устало потер виски. Гордость, граничащая с высокомерием, не позволяла ему смириться со своей слабостью, с тем подчинением чужой воле, через которое ему пришлось пройти. Но если он отвергнет Хань Цзина... что тогда будет с его собственным телом?

<http://bllate.org/book/19677/1985163>